

Глава 25. ПодаркиЦзян Цинъюэ уже долгие годы питал тайную страсть к старшему молодому господину, Рен Шухану. Вспыльчивый характер, неуемная энергия и привычка ввязываться в драки с негодяями – всё это делало Рен Шухана ещё привлекательнее в его глазах. С тринадцати, а может, с четырнадцати лет Цинъюэ рисовал в своём воображении картину признания Рен Шухана. Сначала это были лишь детские фантазии, без малейшей надежды на реальность. «Народные приметы, – думал он, – преувеличены, ведь такое невозможно». Но позже он узнал, что Рен Шухан не отличается прямоотой, и его собственные чувства могли бы остаться незамеченными, если бы он случайно не коснулся его... Фантазии Цинъюэ постепенно обретали форму, переключившись из школьных классов в тихие рощи рядом с общежитием, а затем и в уединенные уголки дома. Постепенно в них стали проникать и более взрослые сцены – тайные объятия под партой, поцелуи у стены... Всё это казалось таким доступным, таким близким. Цинъюэ чувствовал, что Рен Шухан явно проявляет к нему симпатию, но всё же молчит. В юности, толпами ходили к Рен Шухану девочки, признаваясь в любви – чистые, юные, школьницы и студентки, красавицы и даже хрупкие, миниатюрные сестрички, пытавшиеся последовать их примеру. Рен Шухан решал эту проблему деликатно, но Цинъюэ всё же волновался. Стоило ли признаться самому? Но Рен Шухан явно скрывал что-то, поэтому Цинъюэ терпел, не говоря ни слова. За столько лет тайная любовь стала для него привычкой. С возрастом учёба стала даваться ему легче, и естественно, у него появились новые, неопишуемые потребности. То же самое происходило и с Рен Шуханом. Они становились всё ближе, и Цинъюэ начал думать: «Может быть, признаваться и не нужно? И так хорошо быть рядом». Их отношения напоминали старую, крепкую пару, и всё было прекрасно, пока в конце второго семестра первого курса, в ночь на день рождения Рен Шухана... — Вообще-то, у меня отшибло память, — слабо объяснил Рен Шухан. — За последние несколько лет ты меня обидел. Это была не ложь, а просто неохота признаться в своих чувствах. Цинъюэ покачал головой: — Всё в порядке, я... я очень счастлив сейчас. Он тоже был в замешательстве, потеряв, не мог заснуть всю ночь. Однажды, поздним вечером, Цинъюэ в одиночестве выпил бокал вина и, не удержавшись, позвонил Рен Шухану. — Учитель, у меня кое-что пропало. Вы не могли случайно взять это с собой, когда уезжали? Рен Шухан давно съехал из дома, где они жили вместе, по причине «плохого самоконтроля и боязни потревожить Цинъюэ». Цинъюэ не сдвинул с места ни одной вещи, даже положение его стула оставалось прежним. Рен Шухан, парализованный от страха, лежал на диване, когда раздался звонок. Он слушал в тишине, ожидая ответа Рен Шухана. Он ждал долго. Дыхание Рен Шухана в ночной тиши было очень отчетливым, словно он специально затягивал звонок. — Что ты потерял? — хриплым голосом спросил Рен Шухан, после долгого молчания. Цинъюэ небрежно огляделся по сторонам и с силой столкнул все книги на журнальном столике на пол, создавая громкий звук. Он слушал Рен Шухана на другом конце телефона, чтобы спросить, что случилось, а затем сказал: — Ничего страшного, я нашёл... блокнот. Наконец, он добавил: — Извините, молодой господин, спокойной ночи. Повесив трубку, Цинъюэ принял решение: он должен работать усерднее, и даже если он не сможет догнать Рен Шухана в будущем, он будет поддерживать его. Цинъюэ не знал, любит ли его Рен Шухан, но знал, что он по-прежнему любит его. Через два дня после телефонного звонка Цинъюэ получил большую коробку с тетрадями и положил её в шкаф, не зная, смеяться ему или плакать. Он не знал, как Рен Шухан смог сдержать признание, не понимал, что имел в виду, давая ему такую надежду, и не мог понять, почему между ними, словно, стоит невидимое стекло, даже на выпускном вечере. После ссоры всё, что произошло после, случилось так, как и должно было случиться. Но было странно, что после возвращения в Китай, увидев Гу Вэйци и узнав о его отношениях с Рен Шуханом, это странное чувство достигло своего пика. Так не должно было быть. Вокруг Рен Шухана были другие люди, молодые и красивые, полные сил. И тут происходит сцена, о которой Цинъюэ никогда не думал. Это было настолько нереально, что он не мог в это поверить, но ревность была реальной, и боль была реальной. Нереальные фантазии исчезли, повседневные фантазии стали нереальными, а признание стало мечтой, которую он отложил на потом. Но теперь, услышав

признание Рен Шухана, Цинъюэ лишь на мгновение удивился. Как будто всё вернулось на круги своя. Чувство облегчения вызвало у него желание заплакать, но тревога, накопившаяся за годы в его памяти, не давала ему расслабиться.— Всё хорошо, я очень счастлив, — повторял Цинъюэ, одновременно успокаивая себя. Если это было из-за того, что Рен Шухан потерял память, то всё имело смысл. Цинъюэ погладил Рен Шухана по спине:— С тобой всё будет хорошо, когда ты выздоровеешь. Рен Шухан чувствовал себя неловко. Он держал Цинъюэ так крепко, что тот едва мог дышать. — Нет, это признание слишком поспешно, — прошептал Рен Шухан, стиснув зубы. — У меня ещё есть давно приготовленный подарок для тебя, который имеет памятное значение. Если бы я не думал об этом сейчас, мы бы уже давно были вместе, и я должен компенсировать тебе это сейчас. Цинъюэ наклонил голову:— Подарок?— Хотя мы долго готовились, но ещё не думали об этом... — Рен Шухан не мог оторваться от Цинъюэ. Он заложил правую руку за спину и вызвал систему, чтобы она принесла ему букет цветов.— ...Хозяин, ты уверен? — спросила система.— Не уверен? — Рен Шухан усмехнулся. — Не то чтобы ты мог придумать идею получше! Цинъюэ смотрел, как Рен Шухан, словно по волшебству, достал букет цветов и сунул ей в руки.— ...Спасибо, спасибо вам, молодой господин, — прошептал Цинъюэ. Казалось, не было никаких сюрпризов, кроме потрясений.— Нет, — Рен Шухан всё ещё волновался. Он неуверенно погладил Цинъюэ, посмотрел на его маленькую головку и сказал: — Я выберу время, чтобы рассказать тебе об этом снова после завершения проекта. Я признался в этом только что, под влиянием импульса. Уши Рен Шухана пылали, как две раскаленные угольки. Он нежно потрепал Цзян Цинъюэ по ушам, засыпал его губами легкими, трепетными поцелуями и, словно охваченный внезапной лихорадкой, умчался обратно на съемочную площадку. — Малыш должен думать, что я немного свихнулся, — прошептал Рен Шухан, растерянный и бессильный. Впервые он осознал, что может быть и мозгом любви, но, глядя на Цзян Цинъюэ, не мог упрекнуть его в том, что он, возможно, не до конца понимает его чувства. Система подвела его, и разум Рен Шухана давно улетел домой, погружаясь в тревожные мысли о том, как спасти свое сегодняшнее признание. Два дня съемок тянулись бесконечно долго, но, наконец, последний дубль был отснят. Рен Шухан, словно птица, вырвавшаяся из клетки, первым покинул съемочную площадку. Он мысленно связался с системой и, с трепетом в голосе, поручил ей использовать свои сверхспособности. — Очисти лошадиную ферму у дома, — прошептал он, — и преврати ее в цветущее поле. Приведи туда Цзян Цинъюэ. Система молчала, словно пораженная его дерзостью. — Я знаю, что ты хочешь сказать! — Рен Шухан, сжав кулаки, приказал системе: — Размести водородный шар, расставь цветы и деревья так, чтобы они образовали "I Love U". Это же то же самое, что картинки и видео, которые ты показывал мне в начале, верно? Но на самом деле все по-другому. Потому что теперь любовь и искренность, о которых я думал несколько недель, сгустились здесь, вокруг меня. Ну, я больше не могу придумывать. Различные методы предложения брака почти износились, и на самом деле нет ничего нового! Хотя Рен Шухан держал в руке всемогущую систему, у него не было ощущения непобедимости. Наоборот, ему было очень беспокойно. Только когда он держал руку Цзян Цинъюэ и смотрел ему в глаза, он чувствовал себя спокойно. — Все в порядке, расслабься, не нервничай, — Рен Шухан посмотрел на него и подумал, — я ему действительно нравлюсь. И все же...